

Линь Сю покачал головой и произнес: Не смей недооценивать тех гражданских чиновников. С твоим-то простофильским нравом, те чиновники, которых ты сейчас ни во что не ставишь, в два счета обглодают тебя с ног до головы!

Тот воин презрительно фыркнул, взмахнул кулаком и свирепо бросил: С чего бы это мне их бояться?

Какая-то лошадь проскакала вперед, оттесняя возмущенного воина. На ней сидел молодой господин в роскошных одеждах, расшитых шелком — это был Чи Цюнянь.

Брови юноши взлетели вверх, а на лице застыло нарочито свирепое выражение, которое, впрочем, никого не могло испугать — скорее, это напоминало домашнего котенка, который вдруг вздыбил шерсть.

Чего это ты тут распустился перед моим братицей Линь Сю? Он тебе что, по зубам?

Лицо воина покраснело, то ли от злости, то ли от стыда. Не собираюсь я с тобой спорить! Язык у тебя как у ежа, не переговорю я тебя!

С этими словами он поспешно удалился, а остальные воины, дружно хохонув, тоже разошлись под испепеляющим взглядом маленького господина.

В следующее мгновение впереди всего отряда остались двигаться бок о бок лишь Линь Сю и Чи Цюнянь.

Линь Сю бросил косой взгляд на Чи Цюняня, одетого в один лишь тонкий халат. Стояла ранняя весна, с каждым выдохом в воздухе клубился белый пар, и в том, как вырядился Чи Цюнянь, читалось лишь одно: призыв пожалеть его. Линь Сю молча отвернулся, делая вид, что ничего не замечает.

В тот день, когда он прогнал маленького господина, на следующие же сутки у него прибавилось слуги. Правда, в отличие от остальных слуг, этот отличался изнеженным телом, обожал роскошные наряды, а самое страшное — любил залезать к нему в постель!

Линь Сю попытался игнорировать его. Чи Цюнянь, закровоточив глазами, молчал и отказывался от еды.

Линь Сю попытался воззвать к его чувствам и здравому смыслу, заявив: У меня есть невеста. Чи Цюнянь, с покрасневшими глазами, молчал и отказывался от еды.

Линь Сю попробовал прогнать его. Чэнь Юй прислал письмо, в котором сообщалось, что Чи Цюнянь с красными глазами сидит безмолвно и голодает.

Наконец, Линь Сю попытался занять оборону и не пускать Чи Цюняня в свою постель, но этот чертов Чи Цюнянь снова принялся краснеть глазами, молчать и морить себя голодом.

У Линь Сю возникло непреодолимое желание перевернуть стол: в сюжете этот омега хоть и любил поплакать, но до простой забастовки голодовкой дело не доходило! Кто угодно мог умереть, но только не главный герой!

Система 741 робко предположила: А что, если вы, о Хозяин, просто примете его?

В ответ раздался лишь холодный смешок Линь Сю: Не говоря уже о том, люблю ли я его,

возьми хотя бы тот факт, что успешное выполнение задания означает мою смерть. Ты хочешь, чтобы после моей гибели Чи Цюнянь последовал за мной на могилу?

Семьсот сорок первый испарился.

В конце концов Линь Сю сдался, Линь Сю пошел на компромисс, подумав, что разберется со всем, когда они доберутся до столицы и захватят власть. Возможно, когда он по-настоящему приберет к рукам рычаги управления Резиденцией премьер-министра, Чи Цюнянь станет хоть немного взрослее.

И вот Чи Цюнянь успешно пошел на повышение — о нет, то есть успешно остался подле Линь Сю, успешно забираясь каждую ночь под его одеяло и не будучи изгнанным.

Линь Сю думал, что на этом всё, но какого чёрта ты снова устроившее тут жалкое представление?

Апчхи!

Это Чи Цюнянь продрог. Линь Сю посильнее запахнул на себе меховую накидку из шкуры норки, но с места не содвинулся.

Сзади снова донеслись чьи-то перекатывающиеся звуки кашля и чихания. В конце концов Линь Сю развязал плащ, собираясь набросить его на Чи Цюняня, но схватил лишь воздух.

Чи Цюнянь отступил на пару шагов в сторону. Не хочу, апчхи, не холодно мне.

Линь Сю сурово сдвинул брови: Нянь-эр, послушай, накинь и живо возвращайся в карету. Там, у стены экипажа, был закреплен специальный обогреватель, и внутри оказалось куда теплее, чем снаружи.

Да печка в карете совсем сломалась, там от улицы ничем не отличается. Апчхи! К тому же Нянь-эр ни капельки не мерзнет, апчхи! В общем, Нянь-эр не вернется, Нянь-эр хочет быть с братицей Линь Сю, где братица Линь Сю — там и Нянь-эр. Юноша стоял с упрямым выражением лица, не желая уступать ни на йоту.

Линь Сю тяжело вздохнул: он так и знал, чем всё закончится.

Наконец, глядя на то, как продрогший Чи Цюнянь трясется от холода в своем тонком платье, Линь Сю отбросил все мысли, пришпорил коня ближе к Чи Цюняню, обхватил его за талию и, под испуганный вскрик юноши, рывком притянул к себе. Сразу после этого Линь Сю укутал в плащ их обоих вместе с прижатым к груди человеком.

Больше так не делай, Нянь-эр. Теперь тебе теплее? — Линь Сю затянул завязки накидки. К счастью, плащ оказался достаточно большим, так что укрыть хрупкого Чи Цюняня не составляло никакого труда.

Ответом ему прозвучали радостные слова Чи Цюняня: Мм, в объятиях братицы Линь Сю теплее всего!

Я тебе не печка. Разве не было бы лучше, если бы ты послушно сидел в карете и не возился с этими жаровнями? Однако Линь Сю говорил это скорее по инерции: он уже понял, что в нынешнем путешествии отделаться от Чи Цюняня практически невозможно.

Зато братица Линь Сю теплее любой печки. — На этот раз голос юноши прозвучал тихо, с чуть заметным кокетливым смущением.

Линь Сю яростно взъерошил макушку юноши, выплескивая таким образом накопившееся раздражение за его непослушание: Ах ты! — однако он не видел странной, едва заметной улыбки, игравшей на губах прильнувшего к нему человека.

Лошадь мерным шагом несла их обоих во главе всего отряда, вызывая черную зависть у сотен одиноких сердец, ехавших позади. Только что отступивший под натиском маленького господина воин почесал затылок и озадаченно произнес: — Что это генералы с невесткой каждый день устраивают?

— Балбес! — камень прилетел ему прямо в голову, сопровождаемый презрительным окриком.
— Не понимаешь! Это называется романтикой! Эх ты, пень деревянный!

Глава пятая (5)

Линь Сю в полусне открыл глаза, но вокруг царил такой непроглядный мрак, что он даже засомневался, действительно ли разомкнул веки.

Скрипнула дверь тайной комнаты, и кто-то, держа в руке подсвечник, неторопливо приблизился.

Столкнувшись с внезапным светом, Линь Сю недовольно зажмурился. Когда глаза, отвыкшие от яркости, наконец привыкли, чей-то резкий взмах — и пламя погасло.

Следом на него всем весом обрушилось теплое тело, источавшее непреодолимую властную ауру. Линь Сю не мог разглядеть лица, лишь смутно расслышал полный удовлетворения вздох: — Братец Линь Сю!

А мгновение спустя безжалостное проникновение пронзило его насквозь.

(Заперт в темной комнате — исключительно ради удовлетворения извращенных фантазий автора, не принимайте всерьез, не принимайте всерьез, не принимайте всерьез!)

— Ах!

Линь Сю резко сел на кровати, спугнув птицу, сидевшую на оконном карнизе. Холодный пот выступил у него на лбу, скатился по прямой переносице к самому кончику и сорвался вниз, упав на темное постельное белье и бесследно исчезнув.

— Генерал? Желаете умыться и сменить одежду? — голос служанки донесся из-за двери, и только тогда Линь Сю осознал, что уже рассвело.

Уняв сбившееся дыхание, Линь Сю приказал: — Войди.

Служанка вошла, оставила таз с горячей водой и принадлежности для умывания, собираясь уже удалиться, но Линь Сю окликнул ее: — Веди управляющего подготовить карету, сегодня я намерен нанести визит господину Суню.

— Слушаюсь, генерал.

Когда служанка вышла, 741 запрыгнул на постель и участливо спросил: — Взрослый хозяин видел кошмар? Что-то случилось во сне?

Линь Сю покачал головой, выглядя невероятно уставшим. — Всего лишь нелепый сон.

Видя, что Линь Сю не хочет распространяться, 741 не стал настаивать, однако изможденный вид хозяина его изрядно тревожил.

— Зачем же взрослому хозяину так себя изнурять? Система уже говорила: в этом сценарии вы — назначенный судьбой правитель этой страны, вы можете спокойно восседать на троне, даже не прилагая сверхусилий.

Беспокойство 741 было не лишено оснований. Вернувшись в столицу, 741 рассчитывал, что Линь Сю, обладающий военными заслугами и держащий в руках всю армию, немного успокоится, но тот крутился как белка в колесе, не отдыхая ни минуты. К тому же, поскольку прежние императоры постоянно поощряли создание тайных клик и фаворитизм, Линь Сю был вынужден часто действовать под покровом ночи. Если бы не стальная закалка, приобретенная на границе, он вполне мог бы свалиться от истощения в любую секунду.

Линь Сю лишь потрепал 741 по голове и мягко произнес: — Не переживай, Сяо Ци, я не так слаб, как тебе кажется.

Оборвав готовые сорваться с языка новые возражения 741, Линь Сю подошел к тазу с водой и с головой погрузил в нее тяжелую, гудящую голову, чтобы хоть так привести себя в чувства.

На самом деле Линь Сю прекрасно понимал все, о чем говорил 741, но иначе поступать не мог. Во-первых, погрузившись в хлопоты, он мог избежать встреч с Чи Цюнянем; во-вторых, он уже слишком давно не вспоминал о своем доме в реальном мире. Поначалу он просто не хотел об этом думать, боясь, что частая тоска погрузит его в пучину несбыточных надежд. Позже он и рад был бы вспомнить, да только как ни старался, не мог собрать воедино черты лица, которые когда-то казались ему незабвенными.

Линь Сю знал, что излишне торопится, но остановиться не мог. Стоило ему вспомнить об этом, как накатывал липкий страх: если смутится и потеряет четкость само побуждение, заставившее его стремиться вырваться из этой игры, то какой вообще смысл выполнять все эти задания?

В памяти внезапно всплыли слова, сказанные 741 в прошлом мире: Выход из игры категорически невозможен! Стоит игре начаться, ее необходимо пройти до конца, иначе рухнешь не только ты — все миры, затянутые в эту игру, рассыпятся в прах! Ты погибнешь, Чэнь Е погибнет, Хуа Фэн погибнет, Лю Цзычэнь погибнет, Шу Цзю исчезнет, и даже твои родные и друзья в реальном мире разделят их участь... Закон Мироздания сотрет все, что не подпадает под его контроль!

Линь Сю резко вынырнул из воды, расплескав капли, отчего сидевший рядом 741 испуганно отпрянул.

— Закон Мироздания?

В первое мгновение испугавшись, 741 не расслышал слов Линь Сю, поэтому, вытянув шею, переспросил: — Взрослый хозяин, вы что-то сказали?

— А что из себя представляет этот Закон Мироздания? — глядя на 741, в свою очередь спросил Линь Сю.

Похоже, 741 никак не ожидал подобного вопроса от Линь Сю. Поколебавшись секунду, он

ответил: — Закон Мироздания — это сила, против которой нельзя идти.

— Вот как? А вот я так не считаю, Сяо Ци. По-моему, Закон Мироздания — это то, чему нельзя противостоять лишь в открытую. — Заметив недоумение на мордашке 741, Линь Сю усмехнулся: — В конце концов, разве твое собственное существование, Сяо Ци, не является вызовом Закону?

Раз уж открытая борьба не сулит победы, ничто не мешает разрушить его изнутри окольными путями.

Резиденция господина Суня. Престарелый министр наказаний махнул рукой, отказываясь:

— Прошу простить старика, но я ничем не могу помочь, генералу. Пятнадцать лет назад дело о государственной измене семьи императрицы имело огромный резонанс. Если не будет прямого указа государя, у меня просто нет полномочий самовольно запрашивать дела по этому вопросу.

Линь Сю сделал небольшой глоток ароматного чая, нисколько не обидевшись на отказ господина Суня:

— Господин Сунь, самовольное извлечение архивных дел — тяжкое преступление, и у меня в мыслях не было оскорблять драгоценный лик. Я лишь хочу попросить вас об одном маленьком одолжении.

— Генерал, слушаю вас.

Линь Сю слегка покачал чашку, словно бы невзначай:

— До меня дошли слухи, что семнадцать лет назад служанка Цю Цзюй и благородная наложница Дэ родили по ребенку почти одновременно.

Услышав это, лоб господина Суня покрылся градом капель пота, а чашка в его руках зазвенела от непрерывной дрожи.

— Не понимаю, к чему клонит генерал?

— Господин, не волнуйтесь. У меня нет дурных намерений, просто я наслышан о вашей эрудиции, господин Сунь, и потому пришел развеять свои сомнения. Семнадцать лет назад служанка Цю Цзюй родила явно мальчика, почему же повзрослев, этот ребенок превратился в девушку? Неужели... — Линь Сю здесь намеренно понизил голос, — неужели и впрямь существуют те самые сверхъестественные чудеса?

Стоило Линь Сю закончить фразу, как чашка из рук господина Суня выпала на пол, издав звонкий треск.

После этого звука господин Сунь, напротив, успокоился, только лицо его словно постарело разом на десяток лет. Он со вздохом произнес:

— Я слышал, генерал чрезвычайно ценит творения Лю Цзюньшэна из прошлой династии. Недавно мне случайно посчастливилось раздобыть в народе несколько подлинных свитков почерка господина Лю. Сегодня вечером я отправлю их в резиденцию генерала в качестве раннего поздравления с предстоящей свадьбой.

Линь Сю поднялся, сложил руки в приветственном жесте:

— В таком случае я бесконечно благодарен. Позвольте мне откланяться.

Господин Сунь взмахнул рукой, его голос звучал устало:

— Ступайте, генерал. Старик стар и немощен, так что провожать не стану, надеюсь на ваше понимание.

— Не стоит.

Благодаря знанию сюжета, Линь Сю в той или иной степени был осведомлен о событиях десятилетней давности. Говорили, что тогдашняя наложница Дэ случайно забеременела от Сына Небесного, но, родив, обнаружила, что это девочка.

Как на грех, в тот же самый день должна была разрешиться от бремени и ее личная служанка Цю Цзюй, которая уже вышла замуж и покинула дворец. Неизвестно по какой причине у наложницы Дэ вдруг проснулась совесть, и она позволила Цю Цзюй войти во дворец, чтобы рожать одновременно с ней. В тот день Цю Цзюй как раз произвела на свет мальчика. Нложница Дэ, страстно желая возвыситься за счет чужого ребенка, в отчаянии пошла на подмену: выдала крестьянского младенца за августейшего наследника, в то время как истинный феникс затерялся среди простого народа.

Позднее, чтобы замести следы, наложница Дэ даже замышляла убить собственную дочь, но ее родственники по материнской линии всё же помешали этому. А родичами наложницы Дэ были никто иной, как семейство господина Суня.

И поскольку господин Сунь сохранил императорскую кровь, при вынесении окончательного приговора это послужило для них спасительным амулетом. Что же касается наложницы Дэ, ей, пожалуй, едва ли удастся избежать смертной казни.

Строго говоря, семью господина Суня можно было назвать честными чиновниками, но их дочь, наложница Дэ, уж слишком любила плести интриги. Однако излишняя хитрость вышла ей боком, и еще неизвестно, кто кого использовал. Нложница Дэ воображала себя достаточно умной, чтобы собственными силами устранить императрицу — этот главный камень преткновения, и даже не подозревала, что за всем этим исподтишка стоял сам император. Иначе как могла одна лишь наложница Дэ, за спиной которой не было ни малейшей опоры, сокрушить некогда процветавшую семью Линь?

В конце концов, ни один император в мире не стал бы терпеть излишнее влияние

родственников императрицы по женской линии. Всё это было лишь разыгранным владыкой спектаклем по расчистке дороги от преград. Даже если бы в этом мире не существовало наложницы Дэ, нашлись бы благородная наложница Шу, благородная наложница Роу или любые другие, кто сыграл бы эту роль.

Столь замысловатые хитросплетения довели Линь Сю до головной боли. Он даже думал: быть может, в сюжете то самое бессердечное предательство по отношению к чистому и непорочному Чи Цюняню окажется вовсе не худшим исходом? Долгая боль хуже короткой; по сравнению с пожизненным заточением в гигантской тюрьме императорского города, жизнь среди простого народа, пожалуй, подходила ему куда больше.

Линь Сю вышел из особняка господина Суня в полдень, на небе не было ни облачка. Настроение у него неожиданно поднялось. Когда он получит архивные дела и, воспользовавшись возможностью смыть позор с рода императрицы, объявит о своем истинном происхождении, до завершения задания останется совсем недалеко.

В конце концов, нынешний император уже стар, и при дворе, помимо того третьего принца сомнительного происхождения, подходящего по возрасту, остальные были лишь желторотыми мальчишками.

Как бы сильно император ни благоволил третьему принцу, он не мог передать государственное управление человеку с улицы.

А значит, единственным, кто способен вынести столь тяжелое бремя, оставался старший принц, обретенный вновь Фань Сюинь.

И что с того, если император будет против? Линь Сю сейчас держал в руках военную власть и заранее наладил связи со столичными сановниками. Всё, чего ему не хватало, — это законного предлога, чтобы взойти на престол наследника.

Стоит ему подняться на вершину власти и принудить остальных силой, и тогда даже если Чи Цюнянь не захочет, разве сможет он что-то изменить?

Чи Цюнянь, ох... Чи Цюнянь.

При воспоминании об этом юноше с необыкновенно чистыми чертами лица у Линь Сю снова заболела голова. Всё, на что он теперь надеялся, — это чтобы Чи Цюнянь поскорее воспылал любовью к Чэнь Юю или к кому угодно еще, только не к нему самому. Он, Линь Сю, в день своего отъезда из столицы три года назад подарил Чи Цюняню прекрасный сон, а теперь настало время собирать плату.

Подводя итог мыслям, Линь Сю покачал головой и вздохнул: любовь — это просто грёбаная хрень!

Недавно жизнь третьего принца Фань Сюци разладилась: сначала до императора донесли о его шатаниях по борделям и пиршествах день и ночь, а затем на чистую воду вывели дело о хищении им средств, выделенных на борьбу с наводнением в Цзяннане. Старый император хоть и не обвинил его преступником, но смотрел на него всё более мрачным взглядом.

В этот период, чтобы не давать повода для сплетен, он был вынужден отсиживаться в резиденции принца. Едва только шумиха немного улеглась, как его матушка прислала людей отчитать его и велела впредь вести себя тише — и причиной тому послужило некое шутливое стихотворение!

Это четверостишие Фань Сюци видел, в нем говорилось:

Сердце родной матери жестоко, как у змеи и скорпиона,

Ради милости бросила плоть и кровь.

Ничтожный выскочка ворвался в драконий дворец,

А феникс страдает и чахнет в народе.

Фань Сюци привык слушать разные песенки, поэтому в душе решил, что это очередная постановка какой-то бродячей труппы, а потому не принял всё это близко к сердцу и в два счета выбросил случай из головы.

Сегодня Фань Сюци, как обычно, предавался забавам с толпой слуг в своей резиденции, как вдруг управляющий доложил:

— Ваше Высочество, к вам пожаловал молодой господин из резиденции премьер-министра, ждет у ворот. Что прикажете?

— Ты кого назвал?

Управляющему пришлось повторить:

— Молодой господин Чи Цюнянь из резиденции премьер-министра.

— О? Живо зовите его сюда, зовите! — Фань Сюци оживился. Если говорить о тех, кто умеет развлекаться в столице громче всех, то первенство Фань Сюци никто бы не осмелился оспорить. Того юного господина он раньше видел, лицом он был хорошенький и свежий. Мысли о нем у него возникали, но Чи Цюнянь все-таки был помолвлен, а премьер-министр — вельможа при двух императорах, так что со временем пыл угас. Однако недавняя история о том, как молодой господин после расторжения помолвки генералом Линь в гневе спалил покои старшей барышни Лю, гремела на всю столицу. И тогда интересы Фань Сюци снова ожили, а раз уж этот человек сам явился к его порогу, разве можно было упустить момент?

Управляющий получил приказ и тут же проводил Чи Цюняня внутрь. Фань Сюци, едва

взглянув, потерял голову.

Такая внешность, такая фигура, такой склад характера — разве могли с этим сравниться искусственно напускные изящество и утонченность обитателей кварталов красных фонарей? Фань Сюци тут же шагнул вперед, намереваясь схватить нежную белую ручку молодого господина, но тот ловко увернулся в сторону.

Прежде чем принц успел сделать еще одно движение, юный господин склонил голову и заговорил — тихо и холодно:

— Простолюдин приветствует Третьего Его Высочество. Я пришел сегодня с просьбой.

Фань Сюци произнес:

— Зачем же красавцу столько формальностей?

С этими словами он снова подался вперед, желая поднять гостя, но Чи Цюнянь вновь отступил. Настроение принца слегка испортилось, и тон стал прохладнее:

— Говорите. Мне тоже любопытно послушать, какое дело заставило молодого господина Чи лично нанести визит.

Чи Цюнянь выпрямился:

— Простолюдин...

Брови Линь Сю сошлись на переносице:

— Что ты сказал?! Управляющий, седлай лошадь, немедленно!

Повернувшись к Сяо Цю, он приказал:

— А ну-ка быстро объясни мне, что здесь происходит!

Сяо Цю едва не плакал от страха:

— Молодой господин Линь, умоляю, съездите туда! Вы с самого возвращения в столицу вечно заняты, и молодой господин никак не может вас увидеть. Видя, что ваша свадьба приближается, он отчаянно переживал, а старый господин помогать ему не собирается. Тогда молодой господин отправился к третьему принцу, рассчитывая заставить того вмешаться и помочь вам расторгнуть помолвку с семейством Лю. Но сейчас он уже около часа как внутри! Да что за человек этот третий принц! Старого господина нет дома, и мне не оставалось ничего другого, кроме как прибежать к вам. Умоляю, съездите туда!

Услышав это, Линь Сю зашагал туда-сюда по двору, сдержался, но всё же не вытерпел и с помрачневшим лицом гневно бросил:

— Сплошное безумие!

Как только управляющий подвел коня, Линь Сю вскочил в седло и на ходу бросил:

— Пусть Линь Сань ведет отряд воинов к резиденции третьего принца, при первых признаках тревоги врываются внутрь! — С этими словами он во весь опор помчался к резиденции третьего принца.

На пути не встретилось никаких препятствий, но переступив порог резиденции третьего принца, Линь Сю ощутил неладное — сказывалась выработанная в трехлетних баталиях осторожность.

Уж не почуяла ли чего наложница Дэ, решившись действовать? — промелькнуло в голове у Линь Сю, но внешне он остался невозмутим.

А вот черный кот, следовавший за ним по пятам и невидимый для посторонних, перепугался не на шутку. Он вцепился в штанину Линь Сю, пытаясь остановить своего человека:

— Хозяин-сородич, не заходите туда, еще не поздно уйти! Я чувствую, вокруг затаилось не меньше пятисот человек!

Слуга, указывавший дорогу, замедлил шаг и с легким беспокойством спросил:

— Генерал?

Линь Сю усмехнулся:

— Ничего страшного, води дальше.

741:

— Хозяин-сородич!

Перед входом в комнату Линь Сю по заведенному порядку сдал оружие, и лишь после этого увидел сидевшего во главе комнаты... Чи Цюняня. Не успел Линь Сю произнести хоть слово, как раздался щелчок, и дверь за его спиной снаружи заперли на засов.

<http://bllate.org/book/21667/2235531>